

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Негромкий голос подлинного таланта

(Штрихи к портрету учёного)

В конце сентября исполнилось 75 лет заведующему лабораторией теории твёрдого тела Института физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН академику Александру Владимировичу Чаплику. По этому случаю в «НВС» было опубликовано поздравление от дирекции института и коллег юбиляра. Но редакции этого показалось мало, и мы дополнительно встретились и самим академиком, и с некоторыми из его коллег, чтобы несколько раздвинуть рамки официального языка, который говорит о многом, но, к сожалению, не обо всём...

А.В. Чаплик, говорилось в коллективном поздравлении, один из самых известных в мире специалистов в области теории твёрдого тела и теории неупругих столкновений, автор и соавтор более 180 публикаций и 4-х изобретений. Основными направлениями исследований А.В. Чаплика являются электронные процессы в низкоразмерных системах и неупругие атомные столкновения... А.В. Чаплик воспитал большое количество учеников. Среди них более десятка кандидатов и докторов наук. На этом мы кончаем цитирование и кратко передаём содержание беседы с этим замечательным учёным и человеком.

— Александр Владимирович, перед встречей с вами я внимательно прочёл поздравление из института и скажу честно: почти ничего не понял из того, чем вы занимаетесь. Скажите, вас не тревожит всё большее расхождение людей не по имущественному признаку, а по уровню интеллекта и роду занятий?

— Думаю, вы несколько драматизируете: это возникло не сегодня и не вчера. Человек в массе своей вряд ли понимал уже Пифагора или Аристотеля, позже — средневекового алхимика или Ньютона... Да, современная наука достигла такого уровня развития и дифференциации, что не только человек с общим высшим образованием плохо понимает специалиста в одной области, будь то химик или физик, но даже физики одной специальности, допустим, ядерщики, работающие в смежных областях, тоже иногда с трудом находят общий язык. Думаю, что так же обстоит дело и в математике, и в химии, в других точных науках, требующих чёткой специфической терминологии. Человеческое сообщество становится, безусловно, структурно сложнее, «кирпичики», его составляющие, всё мельче, но ведь есть и обратная сторона медали — глобализация, современные коммуникации, интернет, наконец...

— А вам не кажется, что интеллектуальная одарённость, в конце концов, лежит в основе неравенства имущественного?

— Возможно, только этот тезис меньше всего касается учёных, которые ещё совсем недавно еле выжили на зарплату в Академгородке. Но, в принципе, талант должен быть вознаграждён, иначе он найдёт себе иное применение, как это было и есть в мире российской науки. Почему-то никто не сравнивает апартаменты Аллы Пугачёвой с квартирой более скромной певицы — все понимают, что это большое дарование. Думаю, нам придётся привыкнуть и к разнице в материальном достатке, правда не в том масштабе, как сегодня в России, но всё же...

— Извините, может быть, я лезу в сугубо личное, но когда сама жизнь наэлектризована политической, как бы вы себя определили в политической системе миро-воззрения?

— Дайте подумать. Такие вопросы мне ещё никто не задавал, и я всегда был так далек от общественной жизни: стенгазету в ин-

Коллеги о юбиляре

Э.В. Скубневский, заместитель директора ИФП СО РАН по научно-производственным вопросам:

— Если нужен человек науки, достойный подражания, то это Александр Владимирович Чаплик. В нём счастливо соединились такие качества, как редкая работоспособность, глубокий аналитический ум, не говоря уж о личной одарённости, и всё это на фоне исключительно доброжелательного характера, природного юмора, редкой коммуникабельности, но, однако, помноженной на высокую личную ответственность и требовательность и к самому себе, и к товарищам.

Наверное, это помогает ему руководить лабораторией со сложнейшей тематикой уже четыре десятилетия. Там, внутри небольшого коллектива, всякое бывает. Я знаю, научные споры ведутся порой не на жизнь, а на смерть, но в конечном итоге всегда побеждает подлинное научное товарищество, или даже братство.

А.В. Латышев, заместитель директора ИФП СО РАН по научной работе, заведующий кафедрой физики полупроводников НГУ:

— Моё и не только моё поколение учёных-физиков Сибирского отделения — мы все прошли через курсы лекций профессора А.В. Чаплика. Я всегда слушал его с большим удовольствием: редкое личное обаяние — на мой взгляд, это образец учёного-интеллекта — плюс доходчивость, казалось бы, самой сложной проблематики, которую объяснял он, делал его лекции для студента небольшим праздником души. Разумеется, к студентам он и раньше, и сейчас всегда оставался требовательным, но без мелочных придирок, ему всегда важно главное: чтобы студент знал и понимал.

Александр Владимирович преподаёт в НГУ на двух кафедрах: у нас и на кафедре квантовой электроники. Редкой научной эрудиции и научных интересов человек.

М.В. Энтин, ведущий научный сотрудник ИФП СО РАН:

— Наверное, большой учёный — это не всегда доступный человек и хороший товарищ. Только это не о Чаплике: Александр Владимирович именно хороший товарищ. У нас в лаборатории — дай бог всем — царит обстановка легкой иронии, может быть, это даже наш «фирменный стиль»: эпиграммы по поводу и без, стихотворные отклики на важнейшие события общественной и шахматной жизни, — среди активных авторов — Чаплик. Правда, сам он свои вирши ни в грош не ставит, но соучастие в творческом шутовском процессе завлаба — хороший знак.

ституте выпускал, вот и всё! Наверное, я всё-таки склонен больше к либеральному мышлению, к демократическим свободам, любой тоталитаризм и его проявления глубоко чужды мне. Поэтому я, наверное, спокойно воспринимаю переход к рыночной экономике, изменение всего нашего уклада жизни, так что если вы надеялись найти во мне тоску по прошлому, извините, не по адресу. Хотя это совсем не значит, что я с удовлетворением воспринимаю всё, что у нас сегодня накопилось в нашей общественно-политической структуре.

— В силу определённых черт характера вы, по-видимому, и не стремились к какой-либо карьере, оставаясь завлабом четы-

ре десятилетия?

— Карьера — понятие сложное, но в том смысле, о котором вы говорите — вверх по служебной лестнице — это мимо меня. Пусть другие руководят, с меня всегда хватало лаборатории в несколько человек, сотрудников которой не столько мои подчинённые, сколько мои товарищи, коллеги. У человека моей профессии есть и другие высоты...

— Какие, например?

— Удовлетворение от выполненной работы, решение сложной профессиональной задачи, не хотел бы употреблять громких слов, но подлинное счастье учёного — где-то там.

— Как сказали ваши товарищи,

вы специалист с мировой известностью, прежде всего в теории твёрдого тела? Можно по-доходчивее?

— Твёрдые тела, если вы помните со школы, в отличие от жидкости и газа, которые приобретают форму сосуда, сохраняют свою форму и без его стенок. Они обладают ненулевым модулем сдвига, то есть сопротивляются поперечному сдвигу, именно поэтому они и сохраняют свою форму. Они могут быть самого разного вида, ваш диктофон, тоже, к примеру, твёрдое тело, но мы в институте работаем с кристаллами, с упорядоченными структурами, даже точнее — с низкоразмерными структурами, плёнками, тонкими проволоками, которые измеряются несколькими десятками нанометров.

— И каким образом это соотносится с тематикой физики полупроводников?

— Объекты подобных размеров, как правило, изготовлены из полупроводников, которые мы научились хорошо получать, очищать, с ними работать и т.д. Мы, группа теоретиков, работаем с низкоразмерными структурами в теоретическом плане, экспериментаторы — проводят исследования с самими объектами.

— Один из людей, хорошо знающий вас, в разговоре со мной назвал вас одесситом...

— Я всего лишь родился в Одессе, и, честно говоря, не знаю, какие у меня есть основания называться так, потому что в четыре года, в августе 41-го, меня родители увезли в эвакуацию, и школу, а затем и университет я заканчивал в Саратове. Может быть, какие-то качества передались от родителей...

— Вы из семьи интеллигентов?

— Если брать в узкосоциальном смысле, то да. Мама была врачом, всю войну работала по госпиталям, а папа — преподаватель общественных наук: диамат, истмат. Он, кстати, воевал, был ранен. Но российское понятие интеллигентности, как мы знаем, несколько глубже. Хотя, смею надеяться...

— Вы хорошо учились?

— Я любил учиться, люблю это делать и сейчас: школу окончил с золотой медалью, университет — с отличием. После школы, у меня, можно сказать, не было альтернативы: я был заражён физикой, поэтому и пошёл на физический факультет. К окончанию университета я уже был слышан о создающемся в Новосибирске Академгородке и в 1959 году поступил в аспирантуру Института радиотехники и электроники Сибирского отделения АН СССР, который впоследствии, в 1964 году, вошёл в состав Института физики полупроводников СО АН СССР. Моими учителями в науке стали тогдашний директор института, человек-легенда Юрий Борисович Румер (сейчас мы готовим к выпуску книгу о нём), Валерий Леонидович Покровский и Александр Михайлович Дыхне, под руководством которого в 1964 году я защитил кандидатскую диссертацию. Ещё в Саратове я знал, что Румер был лично знаком с выдающимся физиками-теоретиками Бором и Ландау, это и послужило толчком для меня в избрании профессии. И потом как-то пошло без особых проблем: докторскую я защитил через восемь лет, в 1972-м.

— Скажите, вот сегодня часто говорят о том, что российская наука уже не конкурент американской, возможности не те, у нас один Нобелевский живущий лауреат — Жорес Иванович Алфёров, а у них десятки и т.д. Как обстоят дела в физике полупроводников?

— Насколько я знаю и могу судить по коллегам, работающим и в нашем институте, и по России, наши специалисты в этой сфере не только соответствуют мировому уровню развития науки, но и по некоторым позициям его определяют.

Это касается и экспериментаторов, и теоретиков тоже.

— Вы профессор НГУ, уже полвека (!) преподаёте в нашем университете, имеете громадный опыт и знание разных поколений студентов: чем-то отличаются ребята 60-х годов от нынешнего поколения?

— Конечно, время другое. Хотя и прежде, и сейчас к нам приходят так называемые мотивированные люди, они знают, что в НГУ учиться трудно, но идут в науку сознательно. Хотя раньше таких людей было больше, сейчас иная жизнь, иные возможности, происходит отток талантливых ребят в другие сферы, прежде всего в бизнес.

— Извините за прямолинейность, но лично вас я не представляю ни в бизнесе, ни в банке...

— Наверное, я не принадлежу к тем семи процентам человеческой популяции, которая способна к бизнесу. А если серьёзно, я занимаюсь наукой. Тем, как говорится, и интересен.

— Вы никогда не задумывались о нравственной позиции учёного: может быть, учитывая громадное влияние науки на развитие человеческой цивилизации, пора определить некий моральный кодекс учёного?

— Может быть. Известны хрестоматийные примеры с людьми того же атомного проекта. У биологов очень высок уровень ответственности за то, что они делают. Ещё Кант говорил: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них: звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Собственно, речь должна идти об одинаковых общечеловеческих принципах поведения: будь то учёный, инженер, художник... К сожалению, занятие наукой не является прививкой от безнравственности, но я могу твёрдо сказать, что в науке безнравственных людей всё-таки меньше. Может быть, это связано с её глобальностью, в некотором смысле коммунистичностью исследовательской работы. В науке миграция идей, творческое сотрудничество — обычное дело.

— Вы сказали о прививке наукой. Может ли образование служить своеобразной вакциной против мракобесия, лженауки, шарлатанства от науки?

— Ну, я, собственно, не знаю иного способа борьбы с мракобесием и лженаукой, кроме серьёзного образования. На мой взгляд, классический пример борца с мракобесием самого высокого ранга — это деятельность Эдуарда Павловича Круглякова. Жалко, что мало таких людей.

— Вас не смущает, что некоторые представители научного мира сами выпадают, как бы сказать помягче, в сомнительные научные поиски?

— Бывает, бес коммерции попутал, но всё-таки это не так уж часто. Как правило, лжеучёные отторгаются научным сообществом, у них некий свой мир, своя, с позволения сказать, «наука». Серьёзный учёный, да и просто хорошо образованный человек их чует за версту.

— Работа физика-теоретика, по-видимому, занимает ум постоянно. На что-то иное, «для души» остаётся время?

— А работа — это и есть «для души». Свободного времени очень мало: машина, сад, по возможности литература. Недавно с интересом прочёл сборник повестей Виктора Пелевина: фантастика с аллюзией на современность. А вообще-то голова постоянно занята. Помню, как-то нашёл решение одной важной проблемы рано утром во время прогулки с собакой. Бывает...

Подготовил
Алексей Надточий, «НВС»